

СЕРГЕЙ МИЛУШКИН

МАЙНЕРЫ-2

НАВАЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Милушкин
Майнеры-2. Наваждение

«Автор»

2026

Милушкин С.

Майнеры-2. Наваждение / С. Милушкин — «Автор», 2026

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Дмитрий Ларин ведет двойную жизнь. Днем он преподает математику, а ночью спускается в сырые подземелья Москвы, где гудит его тайная криптоферма. Но хрупкое равновесие рушится в одночасье: жена погибает в странной аварии, а её тело бесследно исчезает. И это лишь начало кошмара, в который оказывается втянут простой школьный учитель математики. Успеет ли он спасти семью и своих близких, когда против него — спецслужбы, мафия и само время?

© Милушкин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Милушкин

Майнеры-2. Наваждение

Пролог

Состав метро качнулся, отрывисто скрипнул тормозами и начал замедляться. Между станциями «Преображенская площадь» и «Черкизовская» колея резко уходила на север, делая левый поворот. Привычные пассажиры не обращали внимания на смену курса, другие же, пытаясь понять, что происходит, начинали переглядываться и всматриваться в черные окна с пролетающими мимо вспышками желтых фонарей. На лицах появлялось беспокойство, которое по мере усиления резкого звука — металлом по металлу — сменялось страхом, а у некоторых, чуть раньше или позже, — самой настоящей паникой.

За одиннадцать лет работы Антон Карпин, машинист первого класса Сокольнической линии, так и не смог привыкнуть к этому протяжному воющему стону, хотя в кабине звук был существенно слабее, нежели в вагонах. Он знал это совершенно точно, потому что после дежурства добирался домой по этой же ветке, только в обратную сторону.

Антон опустил ручку контроллера, предельно сбрасывая скорость на опасном участке, и бросил взгляд на громкоговоритель экстренного вызова.

Чаще всего именно в этот момент, на отметке интервала «3:48», раздавался сигнал: кто-то из пассажиров не выдерживал и нажимал красную кнопку. Взволнованный или даже близкий к истерике голос, сбиваясь и перекрикивая визг колес, сообщал: «Человек задыхается!» или «Мужчина потерял сознание!».

По внутренней связи Антон докладывал о происшествии диспетчеру. Обычно к тому времени, когда поезд въезжал на «Черкизовскую», там уже дежурили полицейские, а если повезет пассажиру, то и медики.

Состав, пытаясь продрасться к свету, плелся на минимальной скорости, но что-то, обладающее чудовищной силой, словно держало его на месте. Колеса захлебывались от напряжения, рельсы гудели, и тишина, повисшая в вагонах, только усиливала нервозность.

Антон всматривался в лобовое стекло: колея резко забирала влево, закрывая обзор. В такие моменты он чувствовал себя особенно неуютно. С утра его не покидало ощущение, что день пошел не так, как нужно. Сначала он споткнулся на выходе из подъезда и почти упал, но в последний момент успел подставить руки, разодрав тыльную сторону правой кисти. Затем, прождав минут двадцать маршрутку, он понял, что опаздывает, но и такси, которое так легко поймать в любое время, просто подняв руку, куда-то вдруг запропастилось. Выручил знакомый, увидевший его на остановке.

Принимая состав, Антон обратил внимание, что дверь в последнем вагоне заклинило. Плохой знак. Пока техники устраняли неисправность, он успел выпить чашку кофе и обжечься.

— Шестьдесят шестой, вы меня слышите? Почему не отвечаете?

Рука автоматически перевела контроллер в положение полного торможения. Скрежет тормозов наполнил состав. В вагоне, примыкающем к кабине машиниста, кто-то вскрикнул.

Антон встрепенулся. На задворках сознания всплыла мысль: «Как давно меня вызывают?» — но тут же пропала, потому что все его внимание было устремлено вперед.

— Шестьдесят шестой! У вас все нормально? Почему остановились?! — голос диспетчера стал требовательным, стальным, хотя в нем явно пробивались тревожные нотки.

«Почему остановились?!» — подумал Антон.

Он медленно поднялся со своего удобного сиденья. Правая рука по привычке лежала на контроллере, только в этот раз она с силой давила рукоять вниз — даже хруст ломаемой приборной панели не заставил Антона отвести взгляд.

Там, между рельсами, в мощном свете фар стоял мужчина. Он был весь в крови: лицо, волосы, шея, грудь, одежда — буквально каждый сантиметр был пропитан алым. Но не это парализовало машиниста: все-таки он видел, как выглядят травмы людей, попавших под поезд. Машинисты обязаны проходить инструктаж по оказанию первой медицинской помощи в случае падения человека на рельсы, включая отработку в максимально приближенных к реальности условиях. Но тут был другой случай. Настолько другой, что Антон не мог даже моргнуть. Парализованный ужасом, он стоял и смотрел прямо перед собой.

Окровавленный мужчина сделал шаг по направлению к составу. Ноги его подкосились, но он все же устоял. Антон подумал, что если сейчас этот парень упадет и коснется контактного рельса, случится непоправимое. Машинист едва уловимо повел носом — в кабине будто бы повеяло запахом паленого мяса.

Скорее всего, мужчина хотел поднять руки, чтобы защитить глаза от яркого света фар, или помахать, подать сигнал, — по крайней мере, он рефлекторно дернулся, но не смог этого сделать. На руках у него была маленькая девочка.

Маленькая девочка, которая выглядела как кукла. Тоже вся в крови.

Глава 1

Москва. 2010 год. За один год до описываемых событий

Лаборатория экспериментальной эмбриологии при медицинском центре «Радуга» блистала чистотой и роскошью. Не той вычурной дороговизной, что бросается в глаза, а сдержанным благородством, присущим вещам и брендам, не нуждающимся в рекламе. Открытая еще во времена СССР, когда гонка за научными результатами была делом принципа, она пережила и взлеты, и падения, и бандитские налеты девяностых. Кризис 1998 года удалось преодолеть относительно благополучно — не в последнюю очередь за счет безупречной репутации и качества услуг.

За здоровых наследников хорошо платили во все времена. Минувший двадцатый и наступивший двадцать первый век не стали исключением. Несмотря на общее улучшение благосостояния, развитие здравоохранения и рост продолжительности жизни, возникла проблема репродукции. Пятая часть россиянок детородного возраста не могла забеременеть, как ни старалась, — и это лишь официальные данные, в которых, разумеется, учитывалось далеко не все.

В клинике «Радуга» брались за особо тяжелые случаи, когда остальные методы оказывались бессильны. Впрочем, не только это стало ее визитной карточкой. Клиенты, состоятельные люди со всего мира, платили прежде всего за железобетонную конфиденциальность. С февраля 1986 года, когда в центре с помощью ЭКО родилась первая девочка, не произошло ни одной утечки информации: ни о родителях, ни о донорах.

Акционеры были довольны: дивиденды росли с каждым годом, поток клиентов не ослабевал, и даже цены, вдвое-втрое превышающие средний уровень по Москве, никого не отпугивали.

На первый взгляд, это был довольно заурядный случай — супруга высокопоставленного чиновника обратилась за помощью по деликатному вопросу. Такое случалось каждый божий день, и вполне понятно почему. Чем выше ранг чиновника, тем сильнее он нервничает, хотя сам себе в этом может и не признаваться. В итоге — деньги есть, а счастья, то есть наследника, — нет. Как ни старайся.

Обычно в клинику приходили, когда все доступные методы, включая визиты к популярным шарлатанам, диеты, тренинги и экзотические снадобья вроде настойки из яичек африканского слона, уже были испробованы и ни к чему не привели.

Директор клиники, профессор Александр Кауфман, был высоким, стройным, молодежь мужчиной лет сорока пяти. Он носил круглые очки, скрывавшие маленький шрам возле правого глаза — память о длинном остром ногте ревнивой супруги крупного чиновника мэрии. Тот уговорил любовницу стать суррогатной матерью, а когда жена узнала, кем на самом деле приходится ей мать ребенка, то не смогла сдержать ярости. Если бы не отменная реакция директора центра, занимавшегося боксом, остался бы он без глаза. Впрочем, насколько он узнал позже, все закончилось миром, и эти трое стали жить вместе. Получается, травма была получена напрасно.

Кауфман в сотый раз вчитывался в историю пациентки. Нетипичный случай, но как раз на таких они и специализировались. Клиентка пожелала, чтобы суррогатной матерью стала ее подруга. Клиника обычно возражала против такого подхода, предпочитая предлагать проверенные варианты из собственной базы, но тут была совершенно особая ситуация.

Муж обратившейся дамы относился к VIP-персонам, имел слишком большой вес в обществе, и общие правила на него не распространялись. Самая большая проблема заключалась в том, что потенциальная суррогатная мать уже была беременна, хотя и на очень маленьком сроке. Требовалось к существующему плоду подсадить еще один эмбрион. «Убить двух зайцев

одним махом», — охарактеризовал про себя ситуацию профессор, но вслух этого произносить не стал.

Он пытался отговорить клиентку, понимая риск затеи и опасаясь за уже сформировавшийся эмбрион.

— Вы понимаете, что в результате могут погибнуть оба плода? — спросил он роскошно одетую женщину, на коленях которой, словно хищный зверь, застыла сумка Hermes.

— Разве у вас не работают самые лучшие врачи? — парировала она с бесстрастным лицом. — Или вы только китайцев теперь обслуживаете?

— Нет, почему же... — смутился профессор, хотя она попала в точку. Небывалое нашествие гостей из Поднебесной не только помогло им пережить финансовый кризис, но и дало возможность существенно расшириться.

— Тогда не вижу проблем.

— Проблемы могут возникнуть не у вас, а у суррогатной матери, которую вы предлагаете, — попытался он образумить женщину.

— Но это возможно?

— В теории — да, возможно... Но только в теории. На практике мы такого не делали.

— Тогда давайте проверим теорию практикой, — услышал он спокойный ответ.

Кауфман вздохнул. Придется поручить это доктору Зимовскому — амбициозному, молодому и рисковому сотруднику, обладающему каким-то поразительным чутьем на удачу. Зимовский постоянно балансировал где-то на грани, предлагал умопомрачительные эксперименты с геномом, обосновывая их тем, что они смогут на ранних стадиях беременности контролировать и перепрограммировать гены, отвечающие за опасные неизлечимые болезни.

Секвенирование генома, прямое вмешательство в эволюцию и Божий промысел... Денег у клиники хватало. Они и в самом деле начали продвигаться в этом направлении, стремясь быстрее занять перспективную и очень прибыльную нишу. Впрочем, разработки и испытания были строго засекречены, да и толком пока ничего не получалось. Отчеты Зимовского о научной деятельности лаборатории выглядели развесистой клюквой, по крайней мере в тех частях, где говорилось о возможности заранее изменять не только пол, цвет глаз и рост младенцев, но и способности, интеллект и даже продолжительность жизни. Деньги акционеров текли на исследование рекой, но Александр Кауфман почти не сомневался: когда-нибудь везение Зимовского закончится и правда выплывет наружу.

Служба безопасности докладывала, что Зимовский ведет частную практику. Среди его клиентов были те, кто не мог позволить себе попасть в «Радугу» с парадного входа: проблемы с документами или законом, недостаток средств на «белое» лечение или, что хуже всего, запрос на сомнительные процедуры, включающие кровосмешение, заведомо летальные варианты под получение страховки и тому подобное.

Если операция госпожи Бойко — так представилась посетительница — пройдет успешно, это будет огромный плюс в научную копилку центра. Ну а если не получится, все можно спихнуть на Зимовского.

Кауфман потер руки.

— Что ж... если вы настаиваете... В таком случае, как вам известно, суррогатная мать должна подписать документы об отказе от прав на ребенка...

— Она подпишет.

Он выпрямился в кресле, почувствовав, как щелкнул шейный позвонок. Надо будет показаться мануальному терапевту.

— ...Тогда не вижу препятствий. Мы действительно технически готовы к такой операции, у нас работают специалисты мирового уровня. Научный потенциал центра позволяет осуществить процедуру с минимальным риском. Единственный вопрос...

— Да? — Она раскрыла сумку Hermes и достала сверкающую золотом ручку.

— Кто будет отцом?

Она подняла на него взгляд, от которого Кауфману захотелось спрятаться. Взгляд дикой волчицы, уверенной и очень опасной. Прядь рыжих волос упала на лоб, она смахнула ее рукой.

— Отцом? Не поняла. Мой муж, конечно.

Он быстро кивнул.

— Без проблем. Я просто хотел предложить вам услуги нашего банка спер...

— Спасибо, не нуждаюсь.

— Как скажете. Тогда... — он открыл кожаную папку с золотым логотипом «Радуги», достал бланк. — Подпишите здесь и здесь. А также на каждом листе внизу. Отметьте галочкой, что донорский материал предоставляется клиентом и центр не несет ответственности за его качество.

Она поставила подписи и вопросительно посмотрела на профессора.

— Также вы должны будете приехать сюда с суррогатной матерью. Мы проведем тщательное обследование, после чего, если все будет нормально, осуществим процедуру ЭКО.

— Как только она будет готова, я ее привезу.

— Договорились.

— Скажите... — Марго словно о чем-то вспомнила. Она окинула взглядом просторный кабинет, будто отыскивая знакомую вещь. — Рожать обязательно у вас?

Кауфман почесал затылок. Станный вопрос. Обычно все стремятся рожать в «Радуге», считая, что так надежней, — и в этом не было никаких сомнений. Специалисты высочайшего класса придут на помощь в нестандартных ситуациях, а при ЭКО такие ситуации не редкость.

— У нее хороший врач в собственном роддоме, — объяснила Марго.

— Мы не будем настаивать, но весьма рекомендуем, — последние два слова профессор произнес по слогам, глядя ей прямо в глаза.

Она легко выдержала этот взгляд и кивнула, словно он был ее слугой и докладывал о ценах на ближайшем рынке. Будь она чуть ниже рангом, чуть попроще, он бы разговаривал с ней совсем другим тоном. Скорее всего, выпроводил бы буквально через минуту после начала разговора, и никакие деньги не помешали бы ему это сделать.

— Приятно иметь с вами дело, профессор, — сказала женщина на прощание.

— Взаимно, — выдавил он, убирая подписанный договор в кожаную папку с эмблемой «Радуги».

Он вдруг заметил, что вдоль аккуратного тиснения, символизирующего радужные полосы, появились рваные борозды с торчащей кожаной бахромой. Мельком взглянул на руки — под ногтем указательного пальца правой руки торчал кусочек золотистой кожи. В какой момент он перестал себя контролировать?

После ее ухода в кабинете еще долго витал горьковатый древесный аромат, смешанный со свежей зеленью. Он знал этот запах и, конечно же, знал ему цену — чуть ли не пять тысяч долларов за маленький флакон духов «Ellipse». Так пахнет богатство и власть. Впрочем, к этому благоуханию примешивался еще один аромат, оставленный молодой женщиной, — сладковато-терпкое амбре выдержанного коньяка. И эта пьянящая смесь не оставляла ему выбора.

Глава 2

— Зачем я на это согласился? — подумал Кауфман и потер виски. Ответ не приходил. Ведь мог сказать, что клиника не проводит подобных манипуляций, и это была чистая правда.

Он глянул в огромное панорамное окно. Там, словно приукрашенные фотошопом, простирались владения клиники — четыре новеньких корпуса, небольшой сад, в центре которого сверкал серебром миниатюрный пруд с зеркальными карпами, выложенные мраморной плиткой дорожки, дизайнерские скамеечки под сенью плакучих ив, — все это было построено при его непосредственном участии и руководстве за последние десять лет.

Старый корпус клиники закрывать не стали — он находился на отшибе, к нему был сделан отдельный заезд. Именно там располагалась лаборатория Александра Зимовского.

Кауфман вздохнул. Он терпеть не мог это старое здание и при строительстве новых корпусов в генеральном плане был предусмотрен его снос. Но в процессе детальной проработки выяснилось, что существующее под зданием бомбоубежище, обязательное для таких типов построек, как больницы и медицинские учреждения, проще сохранить, нежели снести и строить заново.

Кауфман положил руку на телефон, намереваясь пригласить Зимовского на беседу, но потом передумал. Он поднялся, накинул пиджак, взял свои записи и спустился вниз. Кивая встречным работникам, клиентам и пациентам, через пару минут он добрался до отдельного пропускного пункта — хотя корпус лаборатории и располагался на территории клиники, он был обнесен дополнительным забором и тщательно охранялся.

Охранник на проходной кивнул ему и Кауфман, вытерев испарину со лба, поспешил к невзрачной серой двери с торца здания. Над дверью висела миниатюрная камера наблюдения и Кауфман явственно почувствовал, что кто-то в упор разглядывает его, пока он жмет кнопку звонка.

Раздался щелчок, замок открылся, и он поспешил войти внутрь.

Не успел он привыкнуть к сумраку, как прямо над головой раздался громopodobный возглас:

— Александр Яковлевич, неужели вы решили меня навестить собственной персоной? Чем обязан такому вниманию?

Быстро доложили, — пронеслась мысль у Кауфмана. Он поднял голову и посмотрел в сторону говорящего. Зимовский, перегнувшись через перила лестницы ведущей на второй этаж, рисковал сорваться прямо ему на голову. Он был в белом халате, глаза выкатились от напряжения, в руке зажат какой-то непонятный инструмент, похожий на садовый секатор.

— Есть разговор, — коротко ответил Кауфман. Ему не хотелось оставаться здесь надолго.

— Что ж... я просто удивлен, могли бы позвонить...

— Не телефонный разговор.

Кауфман уже поднялся на второй этаж. В дальнем конце вестибюля он увидел вход в чистую зону — собственно, саму лабораторию, административная же часть располагалась в правом крыле.

Они прошли в кабинет Зимовского. Кауфман был здесь всего один раз — лет пять назад. И сейчас он удивился, что с тех пор в кабинете почти ничего не изменилось — стол, компьютер на нем, кресло и шкаф. Даже кружка с изображением змеи, обвивающей ножку чаши — и та, казалось, стоит на том же самом месте. В кабинете пахло формалином.

Зимовский подвинул ему стул для посетителей, а сам уселся в кресло за столом, скрестив руки на груди. Кауфман прекрасно знал, что начальник лаборатории его ненавидит, потому что считает бездарным и даже больше — умственно отсталым. Где-то в глубине души Кауфман и

сам так порой думал. Ему казалось, что каким-то непостижимым образом Зимовский знает про купленную диссертацию по эмбриологии и потому ведет себя слишком нагло и самоуверенно.

— Что же за срочность и секретность, Александр Яковлевич? Я весь внимание...

Заглядывая в свой блокнот, Кауфман кратко изложил суть дела. В общем-то он не слишком робел перед своим подчиненным, но явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Это все? — спросил Зимовский, выслушав директора.

— Пока все.

— Хм... Да уж... Задача, однако...

Зимовский расстегнул верхнюю пуговицу рубашки под халатом, потряс головой, причмокнул губами — и все это время он рассматривал Кауфмана словно лабораторную мышь после введения той смертельной дозы ядовитого вещества. С презрительным сожалением.

— Но такого никто в мире еще не делал... то есть...

— Вы будете первым, — опередил его Кауфман.

Легкая улыбка тронула уголок рта Зимовского.

— Три условия.

— Говорите, я слушаю.

— Первое. Мой приоритет и единоличная публикация.

— Без проблем.

— Второе. Никто не лезет в мою работу. Вообще никто, даже вы.

— Но... Ладно. Пусть будет по-вашему.

— Отлично. И третье.

— И третье...

— Да. Я хочу знать, кто заказал эту операцию.

Кауфман поежился.

— Это невозможно. Политика клиники...

— К черту политику! Мне нужно это знать! Иначе поищите других специалистов.

Интересно, зачем ему это? — подумал Кауфман. Шантажировать? Или это гарантия, если я захочу его уволить в случае неудачи? Мозг директора лихорадочно соображал, но никаких внятных ответов, по крайней мере, так быстро, он не находил. В конце концов, что я теряю?

— Хорошо, — нехотя произнес Кауфман. — Вы будете в курсе всех дел этой операции и получите соответствующий допуск.

В конце концов, подумал он, этот парень... Бойко, размажет Зимовского по стенам лаборатории слоем толщиной в один микрон.

Зимовский взял кружку со стола, громко хлебнул и поставил обратно. Толстая дрожащая капля повисла на его подбородке. Директор клиники загипнотизированно следил, упадет она на стол или нет.

— Ну вот, совсем другое дело. А то мало ли, что может случиться, — сказал Зимовский.

Кауфман почувствовал, как почва уплывает у него из-под ног. Он не мог отвести взгляд от чертовой капли.

— Надеюсь, все пройдет в штатном режиме.

— Разумеется, Александр Яковлевич. Как всегда. Разве может быть иначе?

Директор встал и не прощаясь, вышел из кабинета, на ходу машинально вытерев рот рукавом. Он был в ярости. Как только все закончится, нужно избавиться от этого проходимца. Пока не поздно.

Очень умного и хитрого проходимца — услужливо напомнил ему мозг, когда он спускался по ступеням.

Вернувшись в кабинет, он вызывал начальника службы безопасности. Они проговорили минут пятнадцать за закрытыми дверями, а когда тот ушел, Кауфман достал из бара бутылку

Хеннеси, налил в широкий бокал и неспеша выпил мелкими глотками. Теперь он был совершенно спокоен.

Глава 3

Год спустя.

После рождения Евы они ни разу не занимались любовью.

Ларин лежал на своей половине большой двуспальной кровати и смотрел в потолок. Ночные тени беззвучно шевелились, перекрещивались, сплетались, подрагивали, давая волю воображению. Мысли роились в голове, то приливая, то отступая: всё новые и новые идеи, сомнения, возражения и... страхи.

Казалось, ему удалось сделать невозможное. Обеспечить семью. Купить просторную квартиру в соседней новостройке, о которой еще год назад они и мечтать не могли. Да, ипотека, но какого черта? Ферма работала исправно, и даже при постоянно падающем курсе биткойна добытых денег хватало и на жизнь, и на взносы, удавалось даже откладывать. Ларин покупал и стабильные «голубые фишки» — понемногу, разумеется, — и рискованные акции малоизвестных компаний, о которых вычитывал в «Коммерсанте». Но основные вложения он делал в расширение бизнеса: собирал видеокарты, вентиляторы, подолгу просиживая на специализированных сайтах в поисках наиболее производительных конфигураций.

Он повернул голову и всмотрелся в темноту. Как ни старался, детской кроватки разглядеть не смог — только белесое пятнышко простыни да пара деревянных прутьев. Тревога шевельнулась в груди — обычная родительская тревога, ничего существенного: умом он понимал, что девочка там, никуда она деться не могла. Но иррациональное чувство опасности, свербящее где-то глубоко внутри, нашептывало, пока очень тихо и даже невнятно: «Ее там нет. Ты же слышишь, что ее нет в кроватке!»

Он замер, чтобы уловить дыхание дочери.

Да. Просто показалось. Ева сопела так тихо, что шелест выдыхаемого ею воздуха сливался с окружающей тишиной. Даже сердце его билось в сто раз громче!

Услышав дочь, Дмитрий облегченно выдохнул. Потом повернул голову налево.

Профиль жены, лежащей рядом, в каких-нибудь тридцати сантиметрах, напоминал посмертную маску. Одеяло над ее грудью не приподнималось, и на какое-то мгновение его охватил безотчетный страх. Он захотел протянуть руку и потрогать ее. Растормошить. Встряхнуть! Может быть, у нее сонный паралич — состояние, когда человек во сне не может вдохнуть?

В памяти всплыл голос бабушки, которая говорила: мол, не стоит засыпать на спине, иначе можно не проснуться. Света лежала на спине, и...

Ларин почувствовал леденящий ужас, медленно взбирающийся по позвоночнику. Приглядевшись, он обнаружил, что глаза ее раскрыты и она безучастно смотрит в потолок — туда же, куда пару минут назад смотрел и он. Остекленевшие глаза уставились вверх.

Он приподнялся на локте, тряхнул головой, чтобы удостовериться, что это не сон, потом сильно ущипнул себя за сосок. Боль пронзила тело и немного отогнала страх.

Родители рассказывали, что в детстве он вылезал из кроватки с высокими бортиками, ходил по квартире, словно что-то выискивая, потом залезал обратно — и всё это во сне. Самое странное заключалось в том, что днем без посторонней помощи покинуть эту кроватку он не мог.

Ларин протянул руку и коснулся обнаженного плеча супруги, боясь напугать или, что еще хуже, обнаружить, что Света на самом деле ледяная.

Кожа была теплой. Он надавил чуть сильнее.

Внезапно, будто долгое время пробыв без воздуха, жена глубоко и шумно вздохнула. Ларин вздрогнул и отдернул руку. Она повернулась набок, спиной к нему. Через пару секунд он услышал мирное посапывание.

«Может быть, новая квартира так на нее действует? — подумал он. — Непривычная обстановка, высокий этаж... В конце концов, послеродовая депрессия — тоже значимый фактор, который нельзя отвергать».

Нужно с ней поговорить. Но что сказать? Все его попытки выяснить, в чем проблема, в чем причина ее нежелания, наткнулись на стену непонимания, приступы гнева и, в лучшем случае, агрессии. Света раздраженно отстранялась и уходила в другую комнату — благо теперь, в просторной квартире, ей было где скрыться.

Ларин поднялся, сунул ноги в тапки, взял телефон с ночного столика. Часы показывали половину пятого утра. Слишком рано, чтобы вставать. Но он чувствовал, что больше не уснет.

Он прошел на кухню, глянул в окно. Розоватая полоска рассвета, размытая августовским туманом, протянулась вдоль горизонта. Внизу темнела коробка старой хрущевки, где они прожили почти десять лет. Он даже мог различить свои окна, выходящие во двор, перед которыми когда-то рос огромный дуб, спиленный застройщиком.

На кухонном столе он увидел почти пустую бутылку белого вина и тут же вспомнил, что вчера к Свете приезжала Марго, жена его брата Виктора. Они долго сидели на кухне, и через закрытую дверь он не мог разобрать, о чем они там шушукаются. Впрочем, не особенно и старался, хотя, когда он пару раз входил, они тут же умолкали, стараясь не смотреть в его сторону. Женские секреты.

Ларин сварил кофе, вытер стол и, не включая света, сел на стул напротив окна. Проверил курс криптовалюты — тот медленно снижался который день, но это его особо не волновало. В конце концов, всё в этой жизни развивается волнообразно. Спад рано или поздно сменится ростом. Жизнь рано или поздно сменится смертью, — услужливо подсунуло воображение.

— Да, — сказал он в тишине. — Так и есть.

Холодность сменяется страстью, любовь — ненавистью, дружба — предательством... всё идет по кругу, раз за разом, снова и снова.

«Может быть, она мне изменяет? — вдруг пришла в голову мысль. — Такое же может быть, в принципе? Такое случается».

Если трезво подумать... он сутками пропадает в своем подземелье, на ферме, где день и ночь идет добыча их общего богатства.

Однажды Света сказала, что его одежда как-то странно пахнет. Она ни на что не намекала, как, бывает, намекают женщины на соперниц. Нет. Она просто сказала: «Где ты ходишь? Твои джинсы и футболка пахнут так, будто ты их на помойке нашел». Он понюхал и ничего не почувствовал. Может быть, поэтому? Может, от него воняет плесенью, сыростью, затхлостью, а он ничего не замечает? «Но это же чушь», — подумал Ларин и на всякий случай брызнул на себя пару раз любимым *Bvlgari Aqua*. Быть этого не может, от меня нормально пахнет. По крайней мере, в школе никто никогда не жаловался, а там, надо сказать, некоторые ученики и ученицы вряд ли бы стали стесняться в выражениях.

После рождения Евы Света резко к нему охладела. Такого раньше не случалось, ему было с чем сравнивать: сыну Олегу шел тринадцатый год, и в тот раз после рождения первенца у них довольно быстро всё наладилось.

Ларин вздохнул, сделал глоток кофе. Розовая полоска на горизонте стала алой, почти кровавой.

Он мог бы попробовать спросить у Марго, но — что спросить? «Не говорили ли вы обо мне?» Или еще хуже: «Моя жена со мной не спит, посоветуй, что делать». Нет. Тут что-то другое. Неясная тревога, смутное ощущение чего-то недосказанного не покидали его всё время после рождения дочери. Да, пришлось понервничать, пока доктора смогли определить, что с Евой, и своевременно помочь. Может быть, в этом дело?

Он покачал головой. Нет, сейчас с малышкой всё хорошо. Нет причин для беспокойства. Дело не в ней.

Его взгляд коснулся приоткрытой деревянной хлебницы; он подумал, что батон, лежащий внутри белесым кирпичом, видимо, зачерствел. Ларин мысленно чертыхнулся, но потом увидел под пакетом на разделочной доске темный прямоугольник, похожий на плитку шоколада «Ritter Sport». «Олег вчера бегал за хлебом и, скорее всего, купил себе вкусняшек в школу», — решил он.

Потянувшись, чтобы закрыть хлебницу, Ларин просунул руку под пакет, пальцы нащупали поверхность, похожую на тисненую кожу. Это был блокнот. Невзрачный блокнот.

Он поставил чашку кофе на стол, встал и подошел к окну, чтобы получше разглядеть находку. Довольно тонкий, по размерам как айфон. Может быть, Олега?

Ларин открыл первую страничку и прочитал:

«СВОБОДА — ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ»

Подпись отсутствовала. Он задумался. Всего три слова. Кажется, принадлежат средневековому философу Бенедикту Спинозе, если ему не изменяет память. Но... чья это вещица? Вряд ли его жена увлекалась Спинозой, скорее она бы написала что-нибудь из Мураками или даже Пелевина.

Он пожал плечами. Что-то удерживало его от того, чтобы перелистнуть страницу и продолжить чтение. Как будто свобода, смысл которой ровным почерком покрывал форзац, касается его напрямую, и, продолжив чтение, он рискует ее потерять. И это знание под тонкой кожаной обложкой может быть ответом на причину холодности и равнодушия его жены.

Хочет ли он узнать вкус этой свободы? Терпкий аромат настоящей правды... Или лучше положить записную книжку на место и забыть о ней навсегда? Только вряд ли получится забыть так просто. До конца жизни он будет думать, почему он не открыл и не прочитал содержимое, или же будет проклинать тот день. Ведь необходимости читать ее совершенно не было.

Он мог оставить всё как есть. Положить книжку под пакет в хлебницу, вернуться в кровать и попробовать уснуть.

Ларин замешкался. Он не мог сделать выбор.

Внутри щелкнул какой-то выключатель, он слегка кивнул самому себе и быстро, наугад перелистнул несколько страниц, выхватив глазами пару ровных строк:

«6-я неделя, УЗИ показало двойню, двукратная беременность. Самочувствие хорошее. Я скоро стану мамой!!! Боже, как же я счастлива!!!»

Ларин замер. До него не сразу дошел смысл написанного. Когда он всё же понял, то сделал пару шагов назад и медленно осел на кухонный стул.

Руки дрожали, а ровные, идеально похожие друг на друга буквы под наклоном, словно набранные компьютерным курсивом, прыгали в глазах как сумасшедшие.

«На почерк жены не похоже», — автоматически отметил мозг. Но... иногда она может писать так же красиво. Он попытался вспомнить, когда видел в последний раз автограф жены, и не смог.

Он перелистнул страницу.

«Возникли небольшие осложнения, температура держится 37,2. Врач говорит, что это нормально. Как же я хочу его увидеть! Скорее бы! И слава богу, что я решилась на это! Только как сказать мужу? Впрочем, об этом я подумаю потом».

Потрясенный, он не мог поверить в увиденное. Мозг лихорадочно пытался найти приемлемое решение. Найти ответ, чтобы не сойти с ума.

«Может быть, это Марго забыла? — подумал он, хватаясь за соломинку. — Наверняка так и было. Случайно взяла чей-то блокнот в клинике, в которой торчит целыми днями, и за стаканчиком вина они со Светой обсуждали чью-то беременность».

Подруга Марго, или же знакомая, или даже просто случайная, совершенно посторонняя женщина потеряла дневник. Многие беременные ведут записи и описывают там свое состояние.

У них со Светой родился один ребенок. О какой двойне речь? Ясно, что этот блокнот не имеет к ним никакого отношения!

Ларин перелистал странички до конца и на последней, в ровных завитках лепестков и стройных соцветиях ромашек, нарисованных обычной шариковой ручкой, обнаружил мобильный номер Светы, ее группу крови, их старый адрес, номер ее паспорта и полиса медицинского страхования. Не хватало только фотографии. Вместо этого в самом низу светила счастливо улыбающаяся рожица с двумя косичками. Фирменный знак его жены.

Глава 4

Он бросил быстрый взгляд на полупрозрачное стекло кухонной двери: послышался шорох, мимо скользнула тень, послышалась неуверенная поступь босых ног по направлению к туалету. Зажегся свет. Он услышал, как журчит вода, потом сработал смыв, и через пару секунд снова всё стихло.

Дмитрий замер у окна с записной книжкой в руках. Он ощущал себя грабителем в собственном доме, и это чувство ему не нравилось. Мозг отказывался понимать и анализировать увиденное.

Что значит — двойня? Что значит двойня?! О каком муже идет речь? О нем?

Когда Света проснется, он всё выяснит. Он спросит, чья это записная книжка и что всё это значит. Впрочем...

Взгляд переместился на календарь, висящий на белой стене. Перекидной календарь 2011 года: на верхней половине весь год, на нижней — текущий месяц.

Окончание учебного года, школьная круговерть и неразбериха. От количества уроков и занятий он сильно похудел и очень мало спал. Дежурства на складе бытовой химии не добавляли здоровья, вся весна прошла словно в каком-то сером тумане. Единственной мыслью, круглосуточно выжигавшей мозг, была одна — как заработать больше денег. Света вот-вот должна была родить, а он не мог купить нормальную коляску и починить колесо в скейте Олега.

Потом, когда...

Стоп. Он остановил поток размышлений.

Они ведь вместе ходили на УЗИ, точнее, он отвезил Свету сначала в женскую консультацию недалеко от дома (это было в самом начале беременности), а потом уже — в какой-то крутой медицинский центр, где у Марго был хороший знакомый врач.

Названия он не помнил, только огромные зеленые буквы на фасаде и куча китайцев. Впрочем, те обследовались в отдельном корпусе для иностранцев, но на подступах к клинике их присутствие было повсеместным. Последствия политики «одного ребенка» и запрета на суррогатное материнство в Поднебесной привели к небывалому всплеску спроса на подобные услуги в сопредельных странах и прежде всего в России.

Уже тогда живот Светы казался Ларину слишком большим. Огромным, если быть точнее.

— Ничего страшного, крупная девочка, — мурлыкала Света. — Да, именно так. Мол, врачи говорят, что, возможно, придется делать кесарево.

Он практически не слушал жену, не обращал внимания на детали. Его мысли были заняты поиском средств для покупки всего необходимого для новорожденной и жены, оплаты кредита за телевизор и ноутбук, предстоящим ремонтом, а еще он думал о проекте, благодаря которому мог вырваться из нищеты, — но на тот момент Ларин понятия не имел, как подступиться и с чего начать рискованное предприятие.

Он не слушал жену и не слышал ее. Даже огромный живот, в котором лежала крупная девочка, казался ему ненастоящим, бутафорским — таким пугающе большим он был.

— Ты меня слушаешь? — спросила Света, когда все процедуры остались позади и они, протолкнувшись сквозь строй китайцев, вышли на свежий воздух.

Он кивнул.

— Конечно, я слышу, что крупная. Если врач советует кесарево, может, стоит его...

Света покачала головой.

— Но всё же нормально? — он взял ее руку, легонько сжал и помассировал.

— Пока нормально, — ответила она. — Но...

— Что?

— Да так, ничего. Поехали домой.

— А Марго?

— Она осталась у врача, — Света пристально взглянула на него. — Ты же знаешь, какие у них проблемы с Виктором.

— Да уж... — отозвался Дмитрий. — Не позавидуешь.

Все попытки брата и Марго завести детей ни к чему не приводили. Виктор говорил, что он бесплоден, но зачем-то врал Марго и подделывал результаты анализов. Она же не понимала, в чем дело, и буквально жила в клинике. Возможно, дело было в ней, возможно, даже в обоих. Врачи разводили руками. Это всё, что знал Дмитрий из коротких пьяных откровений брата.

Двойня. Дмитрий снова посмотрел в окно. Алая полоса над парком, за дальней кромкой которого высились небоскребы Сити, стала шире и ярче. Внутри него принялся расти едва заметный огонек подозрения, и теперь он уже почти полыхал — только вот Дмитрий не понимал природу этого огня: то ли это был гнев, то ли страх, то ли их гремучая смесь.

Всё это время жена скрывала двойню? Но зачем? Боялась, что они не потянут? Или... что?

Он со страхом посмотрел на блокнот. Что еще там может быть? Какие тайны стерегла от него Света, пока он крался по темным школьным коридорам и мрачным подземельям? Почему? Почему она лгала ему всё это время? И даже... даже сегодня. Даже сегодня она продолжает лгать ему. Каждый день. Каждую ночь.

Господи!

Значит... эта проблема, которая возникла при родах, проблема... он почти мгновенно погрузился в тот день, когда получил СМС от жены. Тот день, когда... когда в трансформаторной будке на него с ножом бросился обдолбанный наркоман по кличке Поляк, и Денис Скоков, схватив первое, что попало под руку, двинул этого парня по голове... Если бы не Денис, Ларин вряд ли бы смог прочитать сообщение от жены:

«Родила в 21:07. Девочка. 2950 г. Поздравляю с днем рождения дочери! Света».

В пылу борьбы он выронил телефон на пол, и позже пришлось за ним возвращаться, рискуя наткнуться на полицейский наряд. Ларин слишком хорошо помнил тот день.

Значит, проблемы со здоровьем дочки возникли по вполне конкретной причине. Это всё объясняет: был еще один, второй ребенок.

Ларин почувствовал сильнейший укол в сердце, словно бы кто-то тонкой раскаленной иглой пронзил его насквозь и несколько раз провернул. Стало трудно дышать, горло сжал сильнейший спазм, и пелена какого-то липкого, первобытного страха вдруг захлестнула его.

Это невозможно! Почему так произошло? Разве бы он... даже если ребенок родился мертвым, разве он не вправе об этом знать?

Ларин прислонил лоб к холодному оконному стеклу и закрыл глаза. Его бил озноб.

Где-то далеко прозвенела сигнальная трель трамвая. Пять утра. Транспорт выехал на улицы, город постепенно пробуждался.

Он должен выяснить, что произошло. Должен знать, что случилось.

Несмотря на кондиционер, в квартире стало невероятно душно: Дмитрий хватал воздух ртом и не мог надышаться. Нужно немедленно выйти отсюда.

Он быстро оделся. Нацепил кроссовки. Проверил телефон. Бумажник.

Что случилось с его ребенком? Как так получилось? Неужели это он во всем виноват? Виноват в том, что не услышал, не смог понять, не поддержал, был слишком занят своими делами. Но разве только своими? Разве только о себе он думал, когда рисковал не только свободой, но и жизнью?

Глянув на спящую жену, он хотел было кинуться к ней, поднять рывком, тряхнуть и спросить, глядя прямо в глаза: «Что же произошло в тот день? О чем ты постоянно молчишь?!» — но не смог сделать и шага.

Он вышел на лестничную клетку, тихонько притворив дверь.

Уже на улице обнаружил, что держит записную книжку в руке, но возвращаться не стал. Не сейчас. И может быть, даже не сегодня. Судорожные всхлипы вырывались из его груди. Он ничего не мог с собой поделать — только оглядывался, чтобы поблизости не было людей и никто не мог заметить странного чуть сторбленного мужчину, вздрагивающего всем телом и скрывающего лицо в мокрых ладонях.

Ларин подумал было взять свою «Вольво» и поехать на ней — до офиса в гостинице «Космос» было километров восемь, — но потом решил, что пройдет пешком: во-первых, чтобы немного успокоиться, а во-вторых — привести в порядок мысли.

Он попробовал вспомнить, о чем вчера разговаривала Света с Марго, но ничего существенного не вышло: он почти весь день и предыдущую ночь провел под землей, настраивая новое оборудование на ферме, и, как только пришел, почти сразу завалился спать. Сквозь сон до него будто бы долетали обрывки разговора. Он еще подумал: «О чем можно спорить и ругаться? Посмотрите, какое красивое море», — и тут он вспомнил сон.

Да, это было голубое, необъятное, безбрежное море, он сидел прямо на песке и кого-то ждал, скорее всего, жену. А она всё не шла. Тогда он оглянулся и увидел двух женщин у киоска с мороженым — они о чем-то громко спорили, так громко, что он удивился, как мороженое может быть причиной такого жаркого спора, учитывая, что очередь в киоск отсутствовала.

Восходящее над морем солнце теплыми лучами поглаживало его тело, шум прибоя успокаивал и баюкал — но эти две тетki портили всю идиллию. Когда он обернулся второй раз, то в одной из них вдруг узнал Свету — она была в широкополой соломенной шляпе, почти полностью скрывавшей лицо.

Конечно же, это была Света. Но о чем же так можно спорить на пляже?

Ларин покачал головой, лег щекой на теплый мягкий песок и тут же провалился в небытие.

Ларин брел по утренним тротуарам Москвы, не различая пути. Кое-где навстречу попадались мужчины, страдальческий вид которых говорил о том, что бары и вино-водочные магазины еще закрыты, — он и сам не прочь был выпить, хотя никогда с утра не притрагивался к спиртному. Но всё когда-то бывает впервые. Они кивали ему, словно старому знакомому. Видимо, на его лице было то самое выражение, позволяющее всем алкашам безошибочно узнавать друг друга, даже не будучи знакомыми. Смесь удивления, сожаления и боли.

В гостиницу он дошел пешком, преодолев за час около шести километров. Голова отказывалась соображать. Шарль де Голль проводил его укоризненным взглядом. Ларин кивнул бодрому швейцару, на ватных ногах дошел до лифта, нажал кнопку с цифрой «25». Мощный электродвигатель с легкостью поднял кабину вверх — в животе у него заурчало.

В номере он открыл секретер, достал бутылку «Баллантайнс», налил полный стакан и выпил. Всё когда-нибудь случается впервые, подумал он. Глаза слипались. Ларин лег на кровать, потолок над ним кружился, и с ним кружились безумные мысли: мой ребенок умер, его скрывали от меня, мне даже не показали и ничего не сказали... других объяснений нет.

Глава 5

Голос. Ларин не сразу понял, кому он принадлежит, потому что в номере никого не было. И быть не могло.

Бубнеж, сопровождаемый мягким гудением, постепенно обрел очертания в виде членораздельных звуков и слогов. Сначала Ларин не мог понять, на каком языке говорит человек. Речь казалась потоком бессмысленной абракадабры. Однако через несколько минут он начал воспринимать слова родного языка, и смысл сказанного медленно проступил — как изображение на фотобумаге.

— ...а теперь о происшествиях. Как сообщает наш корреспондент со ссылкой на ГУВД города Москвы, сегодня в своем кабинете был застрелен президент и генеральный директор известной клиники репродуктивной медицины «Радуга» Александр Кауфман. Преступление произошло поздно вечером. Пока неизвестно, что заставило мужчину задержаться на работе допоздна. Кадры камеры наблюдения, предоставленные полицией, свидетельствуют, что в кабинет под видом посетителя вошел человек в маске. Используя пистолет с глушителем, он произвел два выстрела по своей жертве, один из них — контрольный, в голову. Потом он подошел к камере, укрепленной под потолком кабинета, и показал неприличный жест, после чего покинул помещение. Секретаря в это время уже не было на месте. Охрана на входе в здание отсутствовала. В настоящее время на месте убийства работает следственно-оперативная группа ГУ МВД России, возбуждено уголовное дело по статье 105 Уголовного кодекса «Убийство».

Ларин приподнялся на локте и рухнул обратно на кровать. Голова кружилась, словно он куролесил всю ночь напропалую.

Взглянул на часы: они показывали половину третьего. Он проспал почти весь день. Ночные бдения в подземелье и уроки в школе сильно его выматывали, хотя было лишь начало учебного года.

«Но... Знакомая фамилия», — подумал он, пытаясь вспомнить, где уже слышал про этого Кауфмана. Потом его взгляд упал на письменный стол у противоположной стены номера. Там лежала записная книжка в обложке из коричневой тисненой кожи.

Он не знает никакого Кауфмана, зато... зато... все верно, УЗИ и женская консультация, куда он возил жену в первом триместре — это было в той самой «Радуге», где у Марго был свой доктор и где у них с Виктором ни черта не получалось. Брат говорил, что подкупил врача и исправил свою карту, так что Марго думала, что он здоров. Зачем он это сделал? Самогипноз? Ларин не понимал и не одобрял этого странного поступка. Глядя на страдания невестки, Ларин искренне жалел ее. Иногда он даже испытывал мучительное желание рассказать ей всю правду про брата, но до этого так и не дошло. Может быть, потому что считал, что Виктор сам должен решить эту проблему.

«Значит, — подумал Ларин, — чья-то ложь вышла наружу. И кто-то пришел к Кауфману, чтобы восстановить справедливость». Впрочем, это могло быть банальной коммерческой разборкой.

Ларин снова посмотрел на блокнот. Нужно было оставить его дома, на своем месте возле хлебницы. Он может вернуть его вечером. Если получится.

Радио продолжало надрываться.

— Мы поговорили со знакомыми и бизнес-партнерами господина Кауфмана, чтобы выяснить, с чем может быть связано убийство. По словам председателя ассоциации клиник репродуктивной медицины господина Андрейченко, вряд ли это преступление связано с переделом рынка. Во-первых, бандитские времена давно в прошлом, сейчас вопросы решаются совсем другими методами, законными и цивилизованными. Во-вторых, отрасль репродуктив-

ной медицины довольно компактна, все друг друга знают, и участникам рынка просто нечего делить. Да, «Радуга» известна своими, скажем так, новаторскими подходами, многие из которых не имеют строгого научного обоснования...

— То есть вы считаете, что в клинике занимались шарлатанством? — услышался вопрос корреспондента.

— Я этого не говорил. Но раз уж вы затронули данную тему... понимаете, генетика сегодня развивается семимильными шагами, и порой невозможно четко разграничить, что является этичным, а что нет, имеем ли мы право вмешиваться в естественный ход эволюции. И если да, то насколько глубоким может быть такое вмешательство. В медицинском и научном сообществах ходили слухи, что «Радуга» перешла эту границу и...

Кх-х-х-х-х-кх-х-х-х-х...

Радио закрипело, репортаж прервался на самом интересном месте. Ларин опустил ноги на пол, встал и, покачиваясь, подошел к радиоточке, закрепленной на стене возле дверного косяка. Покрутил ручку регулировки громкости, дернул шнур питания — но все без толку. Шипение не утихло, передача не возобновилась.

Радуга.

Возможно, все проблемы, которые чуть не стоили жизни его дочери, возникли именно из-за этой «Радуги». Он походил взад-вперед по комнате, пытаясь нащупать правдоподобную версию событий. Снова взял блокнот, тщательно пролистал его, но, кроме описания течения беременности, личных переживаний и точных данных жены на последней странице, ничего существенного не обнаружил. Почерк явно Светы, но тогда зачем указаны все ее данные вплоть до первой положительной группы крови, домашнего и мобильного номера, адреса — еще того, старого, хрущевского? Кому и для чего могли понадобиться эти данные?

Он вынул книжку из кожаной обложки, но изнутри ничего не выпало. Встряхнул ее, распушив веером страницы, — опять ничего. Снова открыл первую страницу, там было указано число — 30 сентября 2010 г. Сверху аккуратным почерком выведены имена: «Яромир или Ярослава. 9 месяцев!». Мгновенно подсчитав, он понял, что май — тот самый месяц, когда Света должна была родить, и родила. Только вот не Яромира и не Ярославу, а Еву.

Ларин почувствовал, что сходит с ума. Вечером он не будет пытаться положить блокнот на то место, где он лежал, делая вид, словно ничего не произошло. Он прямо спросит у жены, что все это, черт возьми, значит.

Несомненно, тут есть связь, но какая? Его математический ум, столкнувшись с неразрешимой задачей, паниковал. Ларин почувствовал, что дышит слишком часто, а сердце бьется быстрее, чем следовало бы.

«Нужно успокоиться, — прошептал он про себя. — Вечером все выяснится. Просто сосчитай до десяти... А теперь назад...»

Ларин глубоко вздохнул и последовал собственному совету. Ему стало немного легче. Он открыл глаза и невольно обратил внимание, что вдоль корешка блокнота проглядывает полумиллиметровая шелка, словно одна или сразу несколько страниц были вырваны. Возможно, удалены...

Ларин провел подушечкой пальца по страничке с записью «Яромир или Ярослава» и парой завитушек под ними, подошел к свету у окна. Так и есть. Чуть ниже, на тонкой качественной бумаге остался довольно четкий вдавленный след. Рассмотрев страницу на просвет, Ларин удостоверился в своей догадке: мутноватый контур, похожий на водяной знак, был ничем иным, как оттиском ручки.

Он напряг зрение, пытаясь разобрать расплывающиеся буквы. Через пару минут вращения страницы под разными углами он частично смог восстановить утраченное содержимое. Впрочем, ребус в голове сложился еще до того, как недостающие буквы заняли свои места.

Это были два слова, написанные все тем же аккуратным, округлым, явно женским почерком. Одно из них он так и не смог разобрать до конца, другое же удалось прочесть, несмотря на полное отсутствие гласных. Ларин тупо уставился в блокнот: буквы «К ф м н» теперь словно горели пламенем перед его взором.

Второе слово, похожее на «им с к й», ни о чем ему не говорило, но было совершенно ясно, что они связаны.

Разумеется, подумал он, эти буквы «К ф м...» и последняя, неразборчивая, то ли «н», то ли «и», могли означать что угодно. Например, «Кофеман», или даже «Кандидат физико-математических наук», — усмехнулся про себя Ларин. Почему нет? Однако он привык следовать известному принципу Оккама, который гласит, что из всех решений наиболее верным будет самое простое. Другими словами — самое реалистичное. Конечно же, в женском дневнике, посвященном подготовке к родам, куда более разумным выглядит упоминание директора клиники, нежели кандидата наук, к медицине не имеющего отношения.

Эти буквы означают «Кауфман», фамилию директора центра «Радуга», которого, если верить радио, убили утром или ночью. Возможно, подумал Ларин, кто-то в этой клинике мог бы поделиться информацией о недостающих буквах второго слова, и тогда, вручив этому счастливому господину пару зеленых бумажек, он сможет узнать о втором... ребенке.

«Скорее всего, придется назвать свою фамилию», — решил он. Иначе вряд ли этот человек сможет вспомнить, о какой двуйцевой беременности идет речь. Он не сомневался, что быстро докопается до истины. В любых медучреждениях каждый чих пациента многократно протоколируется, вносится в базу данных и хранится втайне до тех пор, пока какой-нибудь обозленный низкой зарплатой администратор не сольет все это богатство в Даркнет.

Он быстро надел кроссовки, накинул пиджак, проверил наличные во внутреннем кармане — на ощупь, как обычно, оценив, хватит ли этой стопки на взятку, и выскочил за дверь. По большому счету, это было не его дело. Но раз уж на последней странице он прочитал полные данные своей жены, а из общего смысла содержимого блокнота следовало, что женщина, которая вела дневник, в конце концов родила двойню, он хотел знать — не одно ли это лицо. Не связано ли это с тем, что Ева едва не умерла при рождении.

Он снова и снова вспоминал тот поздний вечер. Перед глазами стояли буквы СМС, от которого он испытал легкое головокружение. Снова и снова чувствовал на плече тяжесть трупа наркомана, которого тащил в темноте сквозь зловещий пустырь, и в который раз спрашивал себя — могло ли все пойти иначе?

Вполне возможно, он просто забыл, как выглядит почерк жены.

Или никогда не знал.

Ларин выбежал в коридор. Посмотрел направо. В дальнем конце открылась дверь хозяйственного помещения, и оттуда, слегка позвякивая, выкатилась блестящая тележка горничной.

Он автоматически перевернул стикер на ручке двери, чтобы надпись «Do Not Disturb. Не беспокоить» оказалась лицом наружу. Уборка подождет.

Глава 6

Звонок раздался поздно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.